

Даниленко Даниил

Лидина гавань

6+

Даниил Олегович Даниленко

«Лидина гавань»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40561580

SelfPub; 2019

Аннотация

Мальчик приезжает каждое лето в деревню к родным и наслаждается пейзажами "Лидиной гавани", но он еще не представлял, какие тягости подбросит обиженная природа его сердцу и всем людям, которые безжалостно ее разрушают...

Рассказ «Лидина гавань»

Отгремели последние учебные часы. Сладостный майский воздух плавно перешел в летнюю эпоху, где вся жизнь виднеется в сказочных обрывках закатных отражений. Именно туда я и попал на долгожданные летние каникулы. Там оказались самые верные друзья, чей взор я безумно уважал, чей смех в вечерних тонах прогнившей заброшенной остановки был особенно близок мне. Мы буквально сливались с природой в минуты солнечного восхода и захода. Вырисовывалась уютная атмосфера: наша компания укутывалась под один плед, так как легкие курточки не спасали от мурашечного веяния со стороны чистого поля. Мы находились на травянистом пригорке, и каждый понимал, что таких моментов в жизни великая малость. Дальше стоит только описывать.

Ветер вел по душистым лугам солнечные утренние линии, облака бежали быстрее обычных смертных людей, и они-то уж точно не прекратят свой Вселенский бег. Свежесть царила в каждом уголке провинциальной природы. Рядом с нами застыл ручей. Станным образом тоска об отсутствии летнего зноя переплетается с радостью о начале нового дня юного человека. Те посиделки я запомню навечно...

Конечно же, вскоре наша дружба прекратилась из – за ссоры: никто никуда не денет юношеские эмоции, которые ла-

виной забираются внутрь тебя. Каждый хочет от мира своего. Теперь я оказался в одиночестве, в ветхой избушке. Но почему—то мне было счастливо существовать. Из моего окна были видны яблоневые насаждения и целый вишневый сад. Любое летнее утро, независимо от погоды, я встречал в своей беседке, рядом с прелестью природы. На столике всегда лежали блокноты с исписанными листами. Прогулки тоже летали где—то рядом. Ах, как же очаровывали миловидных дам свежие цветы с обширных лесных полян! Ирисы, ромашки в ее нежных руках делались сокровищем небесным. Но это все действия одной комедии под названием Жизнь. Главное — созерцание. Именно это стремление заставляло меня бежать каждую ночь поближе к реке, на место, окрещенное среди деревенских как «Лидина гавань». Оказывается, что загадочная старушка по имени Лидия во времена суровой смертельной болезни решила сделать хорошее для своего родного края. На протяжении жизни она выращивала всяческие цветочные шедевры, бережно их хранила, как память о своих погибших на войне сыновьях, которые и подарили ей первые экземпляры. Бабушка Лидия все чаще начала поглядывать на небо, она мечтала снова увидеть своих любимых сыновей. Но у нее было неутолимое желание оставить после себя след в виде крошечных цветов бриллиантовых, алых, сиреневых оттенков, которые может быть вскоре вырастут. И они выросли, но уже без бабушки Лидии...

Она засадила всю свободную землю у речки астрами, ро-

зами, в небольшом отдалении деревьями миниатюрного покрова. Рядом состоялся газон с блестящей травянистой поверхностью. Вокруг горело мирное летнее пламя. Я приходил в

«Лидину гавань» в гордом одиночестве. В такой атмосфере я чувствовал себя принцем в современном облике, где только я и природа. Поднимал взгляд вверх: звезд, немыслимая лавина, вся плеяда в хаотичном движении. Каждая звездочка находит свое место и начинает блистать, но это явление мимолетно, она скоро испариться, накрывшись расцветной волной, останется только вспышка. За время любования я не заметил, что пора возвращаться к себе домой, где потускневшая вода в бочке и потухающая свеча приносили грусть. Но мне было хорошо на месте природного уголка, куда можно было без всяческих сомнений прийти и быть причастным к благоуханию этого милого кусочка земли и одновременно с этим испытывать уважение к великой бабушке Лидии, потому что все, что бескорыстно – все велико. Отрывками я останавливался взглядом на маленькой розе, которая отчаянно сопротивлялась под наглостью летнего ветра. Розочку карябает, но она борется, как всякий из нас, за выгодное место около ручейка. Я чувствовал себя исследователем и агрономом, потому что поливал обожженные дневным солнцем розы ручейной водой и отчетливо видел, что после питья они мне улыбаются. Мне их было жалко днем, хоть они и были под тенью высоких извилистых деревьев.

Вдалеке астра, но из – за своей склонности ко сну я не стал к ней подходить. Теперь я занялся организацией ночлега. Развел костер. Его искры хрипом передавали картину умершей ночи. Тепло постепенно добралось и до меня. Моя кровать состояла из дряхлой простыни и собственно влажной земли. Пейзаж был един. Все, я окончательно уснул. Только нос оставался в этом душистом раю. Гавань помогала каждому запутавшемуся юнцу. Последние сознательные вздохи...

Вспышка, наступило приятное утро. Наступила неминуемая пора прощания с «Лидиной гаванью». Со мной случилась частичная потеря чувств, уж слишком душа прикипела к этому чудному месту. Оставалось только окутывать взглядом уходящую тропинку и возвращаться в дряхлые пенаты. Прощай, местечко, подарившее мне летнюю импульсивность и ценные воспоминания о природе полюбившегося края. Все, пора уходить. Сентиментальность оказалась слишком мне близка. Остаются только незабвенные образы. Долго еще мой взор оглядывал каждую десятину «Лидиной гавани». Привязалась моя ветреная душа к этому месту. Сердце сжимается все сильнее, но ноги несут по ухабистым тропинкам и приближают меня к дому, где я проведу последние дни лета и отправлюсь в листопадный сентябрь, где мандариновый закат задержит мои раздирающие воспоминания, но память вечна. Будто первая любовь пылает до конца жизни, так и природа детских мест постоянно движется у тебя в сознании. Последняя картинка: отцовская маши-

на, из потертых окон которой видны дачные дома и потухающее августовское небо. Отдаление происходило быстро и бездна времени вселилась в меня.

Город уже жил своей привычной смоговой жизнью. Я с отвращением наблюдал, как погибал городской парк. Уже опустившиеся ветки предвещали свою смерть. Сердце по – прежнему сжималось, хотелось вернуться в место счастья. Учебная пора шла заметной и твердой стопой, вызывая во мне гнев от количества выдаваемой информации. Спасала от всего мучения только классическая литература.

В рождественские каникулы на пару дней, наполненных снежным юношеским дыханием и привкусом гари из родительской печи, я приехал в родную деревню посетить каток. И непременно забежал в «Лидину гавань». Картина открывалась перед моим взором просто потрясающая. Заледеневшая речка и голые сучья замерзших деревьев образовывали нетленную сказочную метафору, прибрежные земляные холмы были наполнены снежными хлопьями и переливались хрустящими и искристыми тонами. Хрип ботинок посетителей гавани отдавался в ушах. И в те минуты покоя случилось самое радостное мое жизненное наблюдение. Лед на речке окреп, каток уже блистал своей игривой основой в лицах маленьких детишек, щеки которых покрылись милым розовым румянцем. В этой компании мне было комфортно. Природа – главная царица всех обличий человека. Только наслаждаясь ее величиной и неприкосновенностью, человек мо-

жет продолжать жить и совершать судьбоносные поступки...

Зима все же прекратила свои полномочия. Учеба отгремела, и снова лето, снова в голове звучит мелодия: было бы лето, я бы за – по – мнил». Солнечный и трепещущий июнь открыл свои врата, кажется, только начало жизни, с ночным привкусом и посиделками старых друзей под лампадками дворовых крыш. Все это было городской лирикой, которая, при всем моем уважении к ней, меня не привлекала. Я отправился к своим родственникам в потрясающую деревню, душа жаждала встречи с «Лидиной гаванью», очень жаждала с некоторым запалом и пылкостью юнца. Все бытовые невзгоды меня не будоражали, я взял из сарая старинный велосипед, от которого веяло классическими восьмидесятыми и сыростью и мчался на всех парах к волшебному месту зелени, солнца, сладостного умиротворения. Ветер шипел со всех сторон, его струны ритмично включались в мой жизненный бег. Но чем ближе я приближался к легендарной «Лидиной гавани», тем хуже становилось дыхание.

Трава уже была очернена какими-то химическими новшествами, припорошена грязным песком. Немыслимый груз свалился в мои чувственные дебри, теперь я видел перед глазами масштабную стройку, обширные постройки, краны, измученных рабочих и палящее солнце, падающее на стройматериалы. Теперь нет «Лидиной гавани», которая теперь осталась ностальгией и мимолетной картинкой подростка. Мелькают вечера, выделяющиеся пламенем костра, около кото-

рого собирались толпы ликующей молодежи. Отчего же они были рады? От созерцания провинции. Закатные холмы, которые виднелись с прохладного берега гавани придавали душевной, ветреной и загадочной ночи свой шарм. А сейчас это ванильное действие исчезло под пластом строительного мусора, под тяжестью прибыльных контрактов. Мне стоило удалиться в сторону от этих развалин и просто заплакать горестными слезами, прерывисто выдавая какие-то фразы, вспоминая о бабушке Лиде, чьё небесное сияние рухнет при виде пустыря на месте великолепного садика имени ее сыновей...

Целые бастионы чувств оборвались во мне, каждая струна перестала играть симфонию жизни. Будто бы поменяв ландшафт этого вдохновенного куска земли, поменяли мою картинку мирского восприятия. Ушла драгоценная любовь к природе, а вместе с ней к людям, которые ее разрушают во имя других, не более совестливых и духовных людей. Становилось страшно, что продолжатся эти уничтожения самых искусных мест нашей страны, будто завянет последняя роза, которая приносила радость в души людей. Миниатюрные деревья уже загнулись от кирпичного смога. Я аккуратно сидел на обшарпанной скамейке и монументально смотрел вдаль, ветер уносил последние воспоминания о летних вечерах и приносил неистовую боль. Как же я корил себя за такую чувственность! Природа погибла...

Делать мне уже было нечего, пора возвращаться в родные

пенаты и под покровом умирающего неба слушать томные разговоры о символистах из уст своего уважаемого дедушки – величайшая мука, находится долгое время без природы. Я опустил голову и увидел пред ногами последнюю розу. Она последним лепестком дотрагивалась до прожженной солнцем земли. Я быстро подхватил ее, укутал в свою ветровку, будто родного ребенка, и поспешно сел на велосипед, через пару минут я был около дома, потом забежал, взял со стола кувшин, подошел к окну в своей темноватой комнате и начал любоваться розой, которая была спасена! Она так мягко и небрежно снова приобретала жизнь! Увлечшись процессом созерцания этого природного богатства, я и не заметил, что наступила летняя ночь, которая все также пылает радостью следующего утра, обливающим наши непривыкшие глаза пломбирным сиянием неба. Моя рана была на мгновение забыта, пока роза заполняла всю пустоту.

Пришло время сна. И вдруг я услышал небесный стук, будто бы стихии взялись за смутное дело. Гром, раскаты молнии, дождевые крапинки. Я на минуты оставил прелестную розу, чтобы надышаться свежим воздухом на крыльце. Мои очи сразу обернулись в сторону сильнейших ударов – это была сторона ушедшей «Лидиной гавани». Гром просто разрывал в клочки новую застройку. Дождь все усиливался, капли становились все крупнее. Пора было уходить к моей драгоценной розе, но загадочная сила заставила меня посмотреть в небо.

Там очертания прежней «Лидиной гавани», ее цветений, искры молодежных костров и юношеских сердец, с каждой секундой мираж улетучивался и появлялся образ той самой Лиды. Она посмотрела с неба в мои глаза и молча исчезла. Я еще долго пытался найти картинки «Лидиной гавани», но уже не смог.

Наступила пора отправляться спать. Изредка во сне я слышал гул с улицы. Наутро при свете первых лучей, когда поля питаются росой, я побрел в дальний магазин за продуктами и пришел в гавань. Результат оказался страшным: гром попал во все постройки и разрушил их будто карточный домик. Сплошная разруха и выгоревшие материалы – все, что осталось от когда-то райского уголка под названием «Лидина гавань». Потом уже прохожие женщины мне рассказали, что всю ночь здесь полыхало пламя, боялись, что дойдет до их домов, но обошлось...

Я смотрел на отражение неба в луже и понимал только одно: природа помнит все, все насилия над собой...